

УДК 821.161.1.09

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧАРСКОЙ

Е. Н. Строганова

Тверской государственной университет
научно-исследовательский Центр тверского краеведения и этнографии

В статье рассматривается читательская судьба книг чрезвычайно популярной в начале XX века детской писательницы Лидии Чарской. Специальное внимание уделено книгоиздательской ситуации рубежа XX – XXI веков и характеру современной рецепции Чарской разными группами читателей.

Ключевые слова: *детская литература, читательская рецепция, феномен популярности*

Лидия Алексеевна Воронова, в замужестве Чурилова (1875 (?) – 1937), получившая литературную известность под псевдонимом Чарская, в свое время была кумиром юных читателей, особенно девочек-подростков. Пик ее популярности пришелся на первые десятилетия XX века, но впоследствии на долгие годы писательница выпала из читательского обихода. В наши дни культ Чарской как детской писательницы возрождается. Ее книги прочно прописались на полках книжных магазинов, их издают, переиздают и пере-переиздают большими тиражами; Чарская включена в школьную программу (4–6 классы: «Сибирочка», «Княжна Джаваха», «Смелая жизнь»; факультативно: «Записки маленькой гимназистки»); Чарскую экранизируют (сериал «Сибирочка», 2003); Чарскую ставят на театральной сцене (спектакль «Аничков мост» по мотивам произведений Чарской в московском Театре Луны). О популярности писательницы свидетельствуют существование Интернет-сообщества почитателей ее творчества и подборки произведений на других электронных библиоресурсах.

Читательская судьба Чарской дает много поводов для раздумий, в частности провоцирует внимание к трем вопросам:

- чем была вызвана прижизненная популярность писательницы;
- почему после долгого перерыва оказалось возможным возвращение ее текстов;
- как ее книги воспринимаются сегодняшними читателями.

Вопрос о причинах необычайного успеха Чарской озадачивал взрослых современников, которые видели в ее текстах множество недостатков. Апогеем отрицания Чарской стала известная статья К. Чуковского, появившаяся в 1912 году. Статья крайне жесткая, даже жестокая, справедливо, но слишком резко открывавшая недостатки и не оставлявшая ее произведениям никаких достоинств. Чуковский саркастически подчеркивал, что тексты Чарской отличаются предельной экзальтированностью и неестественностью ситуаций, поведение героев стереотипно, одни те же сцены повторяются из произведения в произведение: «Три обморока на каждую книгу — такова обычная норма. <...> Она только о том и заботится, чтобы довести этих детей до бесчувствия <...> Какая-то фабрика ужасов эти чудесные детские книжки...» [10, с. 152–153]. Чуковский привел массу примеров языковых неловкостей и откровенных ляпов, которые вызывают законный смех. Но называя Чарскую *гением пошлости* и беспощадно ниспровергая писательницу, критик не ответил на им же самим поставленный вопрос: «Чем приворожила к себе эта волшебница такое множество

детских сердец? Кто разгадает, в чем тайна ее обаяния?» [10, с. 153] Ответ на этот вопрос искали и другие современники, как принимавшие, так и резко порицавшие книги Чарской. Так, З. Д. Масловская причины популярности писательницы видела в неосознанном стремлении детей к высшим идеалам, но считала, что она подменяет эти идеалы «пошлыми мелодиями жизни» и заводит читателей «в болото пошлости, из которого нет возврата» [5, с. 125]. Совсем иначе вопрос о любви юных читателей к Чарской решал Ф. К. Сологуб, утверждая, что она заговорила с детьми «как с совершенно равными и равноценными ей людьми, заговорила очень серьезно и очень убежденно о людях и событиях, близких им <...> обратилась к их совести и самосознанию» [цит. по: 8, с. 163]. До нас не дошли имена большинства почитателей Чарской, но признательные строки о ее книгах, прочитанных в детстве, оставили М. И. Цветаева, В. Ф. Панова, Д. Д. Шостакович, А. И. Пантелеев и др.

Свое обаяние для читателей Чарская сохраняла и после революции. Советская власть ставила задачу формирования новой породы людей, и следствием этого стала директивно закрепленная чистка библиотек. Многие авторы были изъяты из детских библиотек, ставших, по словам Е. А. Добренко, «первой жертвой нарождающейся советской педагогики» [3, с. 176]. В начальных рядах этого списка значилась Чарская. Но существовали библиотеки домашние, поэтому вырастали и новые поклонники ее творчества [9, с. 179]. Л. А. Кассиль в статье 1931 года упоминал о тринадцатилетней девочке, которая на встрече с детскими писателями заявила: «А всё-таки против Чарской не выдерживаете!» [цит. по: 1, с. 431]. Однако официальный запрет сделал свое дело, и для нескольких поколений людей, выросших при советской власти, книги Чарской оказались недоступны, а ее имя со временем стало своего рода легендой.

Возвращение Чарской совершилось на волне пересмотра советской идеологии, в процессе очередной перестановки мировоззренческих и этических акцентов. Восстановление книг писательницы в репертуаре детского чтения было инициировано взрослыми – исследователями и критиками, которые в свое время сами с упоением читали ее книги или только слышали о них. Их переиздание сопровождается статьями о Чарской, так как возвращение забытого имени и его популяризация требуют мотивировки. Авторы статей стремятся рассказать о достоинствах Чарской и объяснить ее былой успех. Порой это объяснение имеет сугубо внешний характер и сводится к тому, что Чарская «вторглась в заповедный край чувств, переживаний, мыслей, идеалов институтских затворниц» [4, с. 374]. Гораздо более убедительны объяснения психологические. Уже в 1934 году Е. Я. Данько, порицавшая книги Чарской как «переводную картинку, пошлый лубок», объясняла их популярность тем, что они отвечали ожиданиям детей, работали «на потребу формирующейся психики», служили «трамплином для воображения и указывали выходы собственной возрастной героинке читателя» [2, с. 126]. Об этом умении пленить юного читателя современный исследователь А. Ф. Белоусов пишет, учитывая признание самой писательницы: «Я сохранила детскую душу и свежесть детских впечатлений. И еще – я люблю, искренно люблю детство, сохранила «любовь святую к заветам юности» [цит. по: 1, с. 425]. Ученый считает, что былая любовь к Чарской юных читателей во многом определялась ощущением «глубокого внутреннего родства с ней». Но актуально ли это для современной читательской ситуации? Кто и почему читает Чарскую сегодня?

Составить представление об этом помогает Рунет. За основу мы берем отзывы о Чарской на сайте интернет-магазина Ozon.ru, на библиотечном сайте Либрусек, на сайте рецензий Лайвлиб и др. – всего более 70 отзывов о разных книгах и полном собрании сочинений. В гендерном отношении авторы отзывов – в основном особы женского пола (девочки – девушки – женщины), в возрастном – люди примерно от 12 до 50 лет (в некоторых случаях возраст указан, в других приблизительно восстанавливается по тем или иным упоминаниям или особенностям стиля).

Диапазон оценок колеблется от полного неприятия: *Нечитаемо* (Анюта С.) – до абсолютного восторга: *Да здравствует Лидия Чарская!* (Р. Маргулис). Наиболее ярко эту полярность мнений демонстрируют такие оценки: *слезливая муть, розовые сопли / классика чистой воды* (27 л.); *недостаточно оценённая жемчужина России* (15 л.).

Мысль о том, что особенности читательского восприятия определяются возрастными различиями, не является откровением, но в случае с Чарской особенно интересна эта возрастная градация мнений. Среди современных читателей Чарской явно выделяются три группы:

- взрослые – включая тех, кто вырос в советское время;
- молодые взрослые – недавние дети;
- дети и подростки.

Начнем с последних, то есть с той возрастной аудитории, которой в первую очередь адресованы произведения Чарской. В силу специфики информационного поля таких отзывов немного, они не слишком развернуты, но по своей сути все положительны и содержат мотивировку увлечения писательницей. 15-летняя девочка пишет об одной из сказок: *Замечательная добрая сказка! Мне вообще Чарская нравится. Другая вторит ей: Моя заветная мечта прочитать все ее книги. Они очень хорошие и учат добру.* Еще один отзыв о замечательной писательнице: *ее книги учат добру и многим хорошим качествам, которых современным детям так не хватает* (15 лет). Обращает на себя внимание общий признак, который делает книги Чарской близкими читателям и позволяет рекомендовать их остальным, – они учат добру. Это явно противоречит предположению Ст. Никоненко, что канули в прошлое те времена, когда «юные читатели благодарили писательницу за доброту и надежду, которые она им подарила» [6, с. 10].

Вторая группа наших условных респондентов – недавние дети, или молодые взрослые, отзывы которых ярче всего обнаруживают поляризацию мнений. Многие из них в детские годы знакомились с произведениями Чарской по школьной программе или по собственному желанию. Но, повзрослев, они по-своему увидели эти тексты. Для одних новое обращение к Чарской вызвано *ностальгией по детству*, и они не находят поводов для разочарования. Другие не испытывают прежнего *восторга*, воспринимают эти книги более критично, но вполне нейтрально. Наконец, третьи оглушительно саркастичны: *...зачем нам засоряли головы этой дрянью в четвертом классе? Эта сердитая читательница видит порок всей системы образования, в том, что оно с детства *развращает* <...> девочек *псевдосентиментальной литературой*, и объяснение подобной образовательной политики она видит в том, что *государству умные люди не нужны*. Еще отзыв того же рода: *От начала до конца неестественно, напыщенно до пошлости, читателям грубо давят на жалость, будто не допуская существования у оного мозга.* Судя по всему, такая реакция вызвана*

отталкиванием от тех моделей поведения, которые навязывались девушкам в школьные годы. Своеобразное обобщение разноголосицы мнений недавних детей делает одна из читательниц, которая дает своего рода формулу приятия Чарской: *недостатки ее книг не мешают мне любить их*. Мотивировка подобной позиции отсылает нас к уже прозвучавшим отзывам о книгах Чарской: *они очень добрые и светлые*.

Наконец, третья группа читателей – взрослые – в основном покупают книги для своих детей, но и сами читают их: *Купила книгу Чарской "Сибирочка" для дочери 10 лет, а первой прочитала сама. Не могла от нее оторваться...; Это мое первое знакомство с творчеством Чарской. Думаю, что всячески поддержу свою одиннадцатилетнюю племянницу в ее любви к этим книгам, а чуть позже и подсуну их своим детям*. Такие читатели абсолютно лояльны к Чарской, видят в ней больше достоинств, чем недостатков, и не сомневаются, что дети должны воспитываться на подобной литературе: *Очень жаль, но я опоздала с этой книгой. Её не было в моём советском детстве, она не попала мне, когда дочка была ровесницей героинь. Я бы включила её в школьную программу, хотя бы в летнее чтение: хороший язык, увлекательное повествование, отличный образец девчоночьей дружбы, интересное бытописание институтской жизни...* Реакция детей и подростков, отмечаемая в отзывах, также оказывается позитивной: *Мои прочли с удовольствием примерно в возрасте 11–13 лет; племяннику нравится; читаем книгу с дочкой, очень нравится, трогательно и мило*.

Какие же достоинства видят в этих книгах взрослые читатели? *...Пишет хорошо и трогательно. В ее книгах доброта, честность, благородство одерживают верх над человеческими слабостями; ...замечательные, увлекательные. Добрые и поучительные; Книги учат доброте, взаимопомощи, прощению, в них всегда побеждают светлые идеалы добра*. И только одна 27-летняя читательница находит в книгах Чарской достоинства другого рода: *...потрясающе написанная проза, тонкая, умная, очень настоящая*.

Таким образом, почти во всех отзывах, независимо от возраста читателей, доброта оказывается главным отличительным и наиболее привлекательным свойством книг Чарской для детей и подростков. И это очень симптоматично. Такая реакция – своего рода показатель состояния современной жизни, в которой катастрофически не хватает истинных ценностей – честности, благородства, справедливости – и все читатели констатируют этот факт. Однако важно также и то, что писательница умела найти действенные способы художественного воздействия: темы, сюжеты, персонажей, которые способны не только увлекать читателей, но и внушать им чувства добрые; лучшим ее текстам свойственна искренность авторских интонаций, заразительно действующих на читателей.

Один из современных републикаторов Чарской В. Приходько писал, что ее повести – «дом, куда взрослым хода нет» [7, с. 17]. Вопреки этому, взрослые читатели признают, что книги Чарской могут быть интересны не только для детей: *Можно читать в любом возрасте; Будет интересна не только детям, но и заинтригует даже взрослых*, однако все отмечают, что наиболее адекватно книги Чарской отвечают потребностям детей, особенно девочек, 10–13 лет – примерно с 3 по 7 класс. Издатели детских журналов конца XIX века Е. А. Сысоева и А. Н. Альмединген в свое время считали, что «та детская литература хороша, которая интересна и взрослому» [11, с. 8]. Отношение взрослых читателей к творчеству Чарской заставляет вспомнить эти слова и согласиться с тем, что она была хорошей детской писательницей.

Но при этом не следует забывать, что писала Чарская очень много и далеко не все книги в равной мере хороши. На одном из сайтов была сделана попытка выявить лучшее произведение писательницы. Предлагалось выбрать одну из восьми перечисленных книг и кроме того назвать свое любимое произведение, если оно не вошло в список. Безусловным лидером опроса стала повесть «Записки институтки» – первое и действительно одно из наиболее удачных произведений Чарской. Сегодняшнее тиражирование всех без разбора ее книг ни в коей мере не оправдано. Такая издательская эскалация, продиктованная сугубо коммерческими целями, служит во вред авторской репутации. К тому же составители и издатели потребительски относятся к текстам: переназывают, перелагают, что совершенно недопустимо и само по себе дискредитирует писательницу. Конфетное оформление многих книг искажённо репрезентирует героев и искажает смысл написанного. Все эти недостатки отмечаются и в читательских отзывах. Больше всего претензий читатели предъявляют к так называемому полному собранию сочинений, (изд-во «Русская миссия»), отличительными признаками которого являются отсутствие книгоиздательской культуры и бесцеремонное обращение с текстами. Поэтому истинным возвращением Чарской должны стать взвешенная книгоиздательская политика, не дифирамбическое, но научное осмысление ее творчества, бережное и уважительное отношение к текстам и восстановление их подлинного содержания и объема.

Список литературы

1. Белоусов А. Ф. Записки институтки // «Точка, распространяющаяся на все...»: К 90-летию проф. Ю. Н. Чумакова: сб. науч. трудов. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012. С. 425–431.
2. Данько Е. О читателях Чарской // Звезда. 1934. № 3. С. 124–140.
3. Добренко Е. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997. 321 с.
4. Коваленко С. Послесловие // Чарская Л. Записки институтки; сост. и послесл. С. Коваленко. М.: Республика, 1993. С. 372–379.
5. Масловская З. Наши дети и педагоги в произведениях Л. Чарской // Русская школа. 1911. № 9. С. 102–125.
6. Никоненко Ст. Волшебные сказки Лидии Чарской // Чарская Л. Волшебная сказка. Повести; сост. и вступ. ст. Ст. Никоненко. М.: Пресса, 1994. С. 5–10.
7. Приходько В. Лидия Чарская: Второе рождение // Чарская Л. Княжна Джаваха; Сибирочка; Щелчок: Повести. Саратов: Приволжское изд-во «Детская литература», 1992. С. 5–18.
8. Путилова Е. О. Ф. Сологуб и Л. Чарская // Русская литература. 1995. № 4. С. 159–168.
9. Путилова Е. Три жизни Лидии Чарской // Русские писательницы и литературный процесс в конце XVIII – первой трети XX вв.; сост. М. Ш. Файнштейн. Wilhelmshorst: Verlag F. K. Göpfer, 1995. С. 169–185.
10. Чуковский К. Лидия Чарская // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. литература, 1965–1969. Т. 6. Статьи 1906–1968 гг. 1969. С. 150–162.
11. Юдина И. М., Иванова Л. Н. Архив Альмедингенов (Из истории детской журналистики) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л.: Наука, 1981. С. 3–28.

Электронные ресурсы

<http://www.diary.ru/~charskaya/p0.htm?oam#more1>
<http://charskaya.diary.ru/p181982728.htm?oam>
<http://www.livelib.ru/book/1000107175>
<http://www.livelib.ru/author/5527/reviews>
http://www.ozon.ru/context/detail/id/4410497/#comments_list
http://www.ozon.ru/context/detail/id/4955199/#comments_list
http://www.ozon.ru/context/detail/id/4416744/#comments_list
http://www.ozon.ru/context/detail/id/19724209/#comments_list
http://www.ozon.ru/context/detail/id/5801520/#comments_list
http://www.ozon.ru/context/detail/id/3993085/#comments_list
http://www.ozon.ru/context/detail/id/4231797/#comments_list
http://www.ozon.ru/context/detail/id/3291359/#comments_list
http://www.ozon.ru/context/detail/id/4251739/#comments_list
http://www.ozon.ru/context/detail/id/4814094/#comments_list
http://www.ozon.ru/context/detail/id/4164775/#comments_list
<http://www.ozon.ru/context/detail/id/1547122/>
<http://lib.rus.ec/b/140097>
<http://lib.rus.ec/a/31901>
<http://www.knigo-poisk.ru/books/item/in/313019/>
<http://znaniya.com/task/1543648>
<http://www.proza.ru/2012/10/29/923>

RETURN OF L. CHARSKAYA

E. N. Stroganova

Tver State University
research Center of the Tver area studies and ethnografy

The article deals with the readers perception of the books by Lydia Charskaya, a popular children's writer of the early twentieth century. A special attention is paid to book publishing at the turn of the twenty-first century and the modern perception of Charskaya's works by different groups of readers.

Key words: *children's literature, readers perception, phenomenon of popularity*

Об авторе:

СТРОГАНОВА Евгения Нахимовна – доктор филологических наук, профессор научно-исследовательского Центра тверского краеведения и этнографии при Тверском государственном университете (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: enstroganova@yandex.ru.